

Германия.
Пригород Берлина, апрель 1945 года

Земля содрогалась от разрывов снарядов, едкий дым, перемешанный с кирпичной пылью рухнувших зданий и жирными лохмотьями копоти, резал глаза и превращал день в серые мглистые сумерки.

Советская армия обстреливала прямой наводкой пригород Берлина, готовясь к штурму. Немецкие части занимали еще уцелевшие здания, развалины, любые укрытия, где можно было закрепиться, превратив весь этот маленький городок, вплотную примыкавший к окраине Берлина, в сплошную линию обороны.

Советские орудия вели обстрел планомерно — квартал за кварталом, с юга на север.

На время артобстрела редкие незвакуировавшиеся местные жители и солдаты прятались в убежищах и подвалах, пережидая творившийся на улицах ад, с ужасом ожидая штурма русских войск.

Выходить на улицы и передвигаться по городу, вернее, по тому, что еще совсем недавно было тихим бюргерским симпатичным городком, было сродни самоубийству.

Но у него не было выбора.

Сегодня должна состояться встреча с курьером, марш-агентом, как их называли и коим долгие годы в разных странах он проработал и сам.

В эти последние месяцы, когда уже был совершенно ясен исход войны, работа разведчиков стала непредсказуема. Согласовать время наступления советских войск, артобстрелов и встреч с курьерами, так чтобы не подвергать риску жизнь и работу резидентов, было практически невозможно. Ситуация менялась ежечасно, решения приходилось принимать на ходу, особенно здесь, на этом участке наступления советской армии, а не там, где двигались союзники.

Курьер должен передать ему последнее задание, план ухода и забрать добытую ценнейшую информацию.

Переждав, пока огонь переместится севернее, он выбрался из своего убежища в пустынный догорающий город. Добраться до условленного места оказалось не так просто, несколько раз пришлось возвращаться и обходить улицы, безнадежно заваленные новообразовавшимися руинами разбитых домов.

Он свернул в один из переулков, чудом оказавшийся проходимым и даже вполне пригодным для проезда. Дома по обе стороны были

черными от копоти пожаров, разбитые, но устоявшие.

В конце переулка он увидел автомобиль и насторожился. Двигатель урчал, работая на холостом ходу.

Странно! Машина, судя по номерам, принадлежала высокому абверовскому чину. Куда он мог ехать во время обстрела?

Немцы не высовывали носа из укрытий, пережидая бомбежки и артобстрелы. Должна иметься веская причина, чтобы кто-то решился на такой риск!

Очень, очень веская!

Поколебавшись, он подошел к машине и заглянул внутрь через разбитое боковое стекло.

В салоне находились четверо — шофер, сидевший рядом офицер высокого ранга и двое солдат сзади.

Осколки разорвавшегося в нескольких метрах впереди снаряда изрешетили крышу, верх кузова, выбили стекла и уничтожили всех находившихся в машине, невероятным образом не задев мотора, который так и продолжал работать.

Вдруг раздался непонятный звук.

И повторился, громче.

— Подойдите ко мне! — жутким голосом прохрипел все еще живой офицер.

Один из осколков попал ему в горло. Рукой, обтянутой черной лайковой перчаткой, он за-

жимал рану и пытался что-то сказать. Кровь текла по руке, черная на черной перчатке, становясь ярко-красной на запястье и снова черной, стекая по рукаву кожаного форменного плаща.

— Вы патриот? — прохрипел офицер.

Ему оставались считанные секунды, было совершенно понятно, что жизнь уже ушла из него, странно, как он вообще мог еще говорить.

— Да, — ответил разведчик.

— Тогда приказываю вам доставить груз и бумаги!

Он закатил глаза, пытаясь вдохнуть, послышался неприятный булькающий звук.

— В папке пункт назначения, самолет ждет. Срочно! — Голос, больше похожий на шипение, становился все тише. — Документы не читать, ящик не вскрывать! Немедленно отвезите...

Офицер попытался еще что-то сказать, дернулся, и его рука безвольно упала.

Быстро открыв заднюю дверцу, разведчик проверил, живы ли солдаты на заднем сиденье. Нет. Он обошел машину, распахнул дверь со стороны шофера, вытащил его, уложил на асфальт и сел за руль. Взяв папку с документами из руки офицера, быстро пробежал бумаги глазами и задумался.

Собственно, думать было некогда!

Время мгновенных решений!

Он развернул машину и поехал совсем не в том направлении, куда приказывал ему двигаться отходящий в мир иной немецкий офицер.

На самой окраине городка располагалось здание, в котором размещалась автомастерская. Здание оказалось разрушено, но мастерская уцелела, даже ворота устояли и дорожка к ним, конечно, заваленная битым кирпичом, но проехать по ней было возможно. Он присмотрел эту мастерскую несколько дней назад, когда разрабатывал маршруты отхода на самый крайний случай, привычно отмечая для себя любые мелочи. Ему нужно место и время, чтобы во всем разобраться.

В открытом багажнике машины стоял ящик с откинутой, словно распахнутый черный рот, крышкой, сверху лежала папка с документами. Разведчик сидел рядом на колченогом стуле, найденном в мастерской, курил и пристально смотрел на содержимое багажника, словно ждал от него ответа.

Он затушил сигарету, достал портсигар, неторопливо вытащил еще одну, щелкнул крышечкой, убрал портсигар, закурил и опять посмотрел на ящик.

Он видел свой смертный приговор и понимал это.

Кому бы из советского руководства он ни доставил этот груз, в любом случае его ждала смерть как наилучшая действенная мера по сокрытию сверхсекретной информации.

Но и бросить все это, спрятать и уйти он не мог, как офицер, как разведчик, как человек, прекрасно понимая всю ценность доставшегося груза.

Ему предстояла долгая ночь в компании трех покойников, все так же сидящих в машине.

Ему надо продумать все до мелочей, составить план и действовать, действовать!

Встреча с курьером сегодня так и не состоялась, такая вероятность была предусмотрена, как и вторая встреча, утром. Утром начнется штурм города. М-да...

Он вспомнил свой последний разговор с отцом.

Было совсем раннее утро, когда они, проговорив всю ночь, вдруг поняли, что настало время прощания, видимо, последнего. Оба осознавали, что вряд ли после того, как отец осуществит задуманное, он останется жив.

Отец поднялся с кресла, выключил свет в комнате, отдернул тяжелые портьеры и распахнул оба окна.

окном стояла предрассветная, особенно пронзительная тишина.

Клубы дыма от выкуренных ими за ночь папирос, висевшие под потолком, потянулись на улицу, медленно и лениво, как бы не желая расставаться с облюбованной комнатой.

Отец стоял у окна, засунув кулаки в карманы форменных брюк, и смотрел на предрассветную Москву.

— Правители приходят и уходят, сын, а отечество остается, — сказал он голосом, севшим за ночь от разговоров и дыма выкуренных сигарет. — Если когда-нибудь ты не будешь знать, как поступить, поступай на благо Родины. Не конкретного человека, стоящего во главе России, не идеологии, царящей в этот момент в стране, а в интересах отечества и народа, как бы высокопарно это ни звучало, даже если страна и народ никогда не оценят твоего поступка.

Отец повернулся к нему. В этот момент он казался невероятно красивым и почему-то молодым.

— Именно так, сын! Как русский офицер — в первую очередь интересы отечества, во вторую — жизнь и безопасность родных и близких, а уж потом все остальное! И еще! Береги себя, постарайся выжить в этой мясорубке и в той, которая грядет! Будь умнее, сильнее, хитрее всех

своих друзей и врагов! На тебя остаются девочки, и их надо защитить во что бы то ни стало!

Он давно приучил себя думать на языке той страны, в которой работал. И сейчас, поймав себя на том, что мысленно переводит слова отца на немецкий, улыбнулся.

— Да, отец, — сказал мужчина по-русски. — В интересах страны.

Он уже принял решение и придумал план, теперь надо обдумать все мелочи, все детали, кропотливо, точно, предусмотрев несколько вариантов, но сначала... Он взял папку, вытащил из нее два документа и еще раз перечитал текст.

— А это надо уничтожить, — уже на немецком сказал он, — в тех самых интересах отечества.

Затем достал зажигалку, поджег листы и, глядя на разгорающийся огонь, поставил себе основную задачу:

— Значит, надо сохранить все это добро неожиданное и при этом выжить самому!

Москва Наши дни

Еще в лифте Вероника достала из сумочки ключи от квартиры: так ей не терпелось оказаться поскорее дома.

Лифт, как и сам дом, был старый, добротный, обшитый внутри деревянными рейками, с двумя дверцами, открывающимися внутрь, и одной наружной. Ехал он неторопливо, очень солидно, как и положено в таком возрасте. Первый раз за все время, которое она здесь прожила, а прожила она здесь всю свою тридцатилетнюю жизнь, Ника мысленно поторапливала: «Ну, давай же, побыстрее, ну пожалуйста!»

Правда, не сильно настаивала — у лифта имелся свой, очень непростой характер.

Нике ужасно хотелось в свою любимую квартиру. Она соскучилась по дому, по тяжелой входной двери, которую надо обязательно потянуть на себя, чтобы открыть замок, по вздоху паркетных половиц в прихожей, они именно вздыхали, а не скрипели, по родному, знакомому с детства запаху их дома, их жизни, вернее, теперь только ее жизни.

Мягко, с достоинством лифт остановился на четвертом этаже.

«Овсянка, сэр!»

— Спасибо, — поблагодарила его Ника.

Она торопливо вставила ключ в замочную скважину, потянула на себя дверь, замок щелкнул, и, переступив порог, девушка локтем нажала выключатель, его все включали локтем, входя в дом, всегда.

Прихожую приветливо и уютно залил желтый свет, и обрадованно вздохнули половицы, приветствуя ее.

— Я тоже очень рада!

И Ника вдохнула запах родного дома.

Застоявшийся воздух давно не проветриваемого помещения усиливал аромат дома, делая его слишком насыщенным, немного приглушая радостное настроение и нетерпеливое ожидание встречи.

— Сейчас проветрим! — пообещала она квартире.

Бросив сумку с вещами на пол возле вешалки, скинув обувь, она прошла по всем трем комнатам, распахивая окна.

— Хорошо, что цветов нет, а то завяли бы все.

Цветов, или «комнатных растений», как называла их мама, дома было всегда много. Разных: больших в огромных глиняных горшках,

средних, маленьких, высоких и низеньких, пушистых и с тонкими стеблями, цветущих и нецветущих. Они стояли в каждой комнате, в кухне и даже в ванной на окне: была в их доме такая экзотика — окно в ванной, а в прихожей пристроился какой-то экзотический лохматый куст. И Сонечка объясняла им всем, что это очень редкий экземпляр, он любит темноту, и все время повторяла его название, которое никто так и не запомнил.

— Сонечка! — смеялась мама. — Ну какое растение может любить темноту?

— Это, — отвечала Соня.

Но, как ни странно, куст жил-поживал, желтеть и чахнуть не собирался, и по всему было видно, что он вполне доволен условиями, впрочем, как и вся остальная растительность.

После Сониной смерти все цветы разом стали болеть, сохнуть и умирать. Что только Ника ни делала: и поливала разными прикормками, и достав с самой верхней книжной полки старинную Сонечкину книгу по уходу за цветами, лечила их по написанным там правилам, она даже разговаривала с ними, бесполезно — цветы без Сони не жили.

Ника рассказала бабуле о такой напасти, и та договорилась с приятельницей, что она, то бишь приятельница, заберет все цветы к себе на дачу, где постоянно проживает последние годы.

В один «прекрасный» день внук этой самой дамы приехал на грузовой машине и вывез всю их растительность. Скопом.

Судьбой этих цветов-предателей Ника не интересовалась — все, вывезли и вывезли! Странно, никого из своих родных она не обвиняла в уходе, не считала, что ее предали, бросили одну на этом свете, а вот цветы обвиняла.

— Ладно, все, проехали! — сказала она себе.

Она часто стала разговаривать сама с собой, так было лучше, гораздо лучше, чем слушать звенящую тишину дома.

Ника прошла в ванную, пустила воду, добавила ароматной пены с запахом лаванды, сняла с себя всю одежду и, затолкав ее в стиральную машинку, протянула руку к халату, висевшему на дверце, но передумала:

— Нет, я, наверное, вся больницей воняю, сначала вымоюсь.

Так голой и прошла в кухню, набрала воды в чайник, включив конфорку, поставила на плиту на медленный огонь, смотрела на него, не видя, вспоминая.

Сонечка категорически не признавала электрические чайники.

— В нем вода получается невкусной, быстрой, — поясняла она, — вода должна закипать медленно, на маленьком огоньке, тогда и чай будет хороший.

Ника не спорила, они с Сонечкой никогда не спорили, поводов не было. Они вообще жили очень дружно, «душа в душу», как говорила Сонечка.

— Да что такое?! Что тебя сегодня понесло-то в воспоминания? — возмутилась громко Ника, стряхивая с себя, изгоняя тоску.

«Просто я давно не была дома, вот и вздыхаю вместе с квартирой, она тоже соскучилась. Ладно, надо принять ванну, устроить уборку, и все наладится!»

Вода в ванной шумела, чайник мирно посапывал, готовясь закипеть, Ника протянула руку к полке за кружкой и удивилась — все кружки стояли не так, как обычно.

— Странно, Милка, что ли, их переставила?

Нет, конечно, в их семье не было педантов и чистюль таких, чтобы до занудства, но существовали правила, которые всегда соблюдались, давно заведенные, например, чашки на полке. Они всегда стояли ручками в одном направлении — к окну. Просто все так к этому привыкли, что по-другому и не ставили.

— Странно! — повторила Вероника.

Чайник закипел, Ника заварила чай, достала из шкафчика варенье, выключила воду в ванной и, с удовольствием выпив чаю с вареньем, отправилась «заплывать».

Належавшись до одури в пенно-горячей ванне, с радостью облачившись в чистый банный

халат, она двинулась обходить свои «хоромы», теперь уж здороваясь основательно с родным домом.

Чем дольше Ника ходила по квартире, тем больше и больше в ней нарастало непонятное беспокойство и тревога.

— Что за черт? — спросила она «хоромы».

Ее не отпускало ощущение, что в доме побывали чужие люди, кто-то посторонний. Так случается, когда иногдаходишь в любимый дом и с порога вдруг чувствуешь, что был кто-то чужой, какие-то гости, и они давно ушли, не оставив даже запаха и следов, — а вот ты все равно точно знаешь, что кто-то был.

Затянув пояс халата потуже, она двинулась на второй круг обхода, более внимательно приглядываясь к мелочам.

Расшитые диванные подушечки лежали не так, как обычно, ваза, всегда стоявшая на подоконнике, сейчас оказалась на столе, Сонино любимое кресло передвинуто. Ника обнаружила массу предметов, которые оказались перевернуты, или перевернуты, или переложены и находились вообще не там, где обычно, даже фотоальбомы. Тяжелые, старые, еще довоенные, в настоящем кожаном переплете, они всегда лежали в определенном порядке, который сейчас оказался нарушен.

вушка специально громко задала себе этот вопрос, чтобы немного успокоиться.

Но она чувствовала, что не Милка! Не Милка, а кто-то совсем чужой, враждебный, не из ее жизни, был здесь и все осматривал, переворачивал, трогал своими руками!

«Да зачем?! Кому это нужно?» — недоумевала она.

И ринулась торопливо проверять Сонечкины «драгоценности»: шкатулку с несколькими золотыми кольцами, цепочками, серьгами, какими-то безделушками, — все находилось на месте. Ничего не пропало.

— Кому это нужно?! — теперь уже вслух возмущенно спросила Вероника. — Все здесь обыскивать, что искать-то? И ничего же не взяли — вон и телевизор на месте, и видик, и Сонина шкатулка! Может, все-таки Милка? — уговаривала она себя.

Милка была ее подругой, единственной и не такой уж задушевной, но все-таки подругой. Самой близкой являлась Сонечка и еще бабуля, собственно, Соня тоже была ее бабушкой, маминой мамой, но в семье ее всегда называли по имени, и никакого другого обращения к ней как-то не приживалось, да никто и не пытался.

Ника вышла в прихожую проверить, все ли там на месте, и споткнулась взглядом, телом, умом.

Страх ударил куда-то под колени, ноги сами собой подкосились. Привалившись спиной к стене, она не могла оторвать взгляда от маленького столика, на котором стоял телефон, так и съехала спиной по стене и села на пол.

Исчезла телефонная книжка! Старая, потрепанная, толстая, раздувшаяся от засунутых в нее разнокалиберных бумажек и записочек, на которых писались чьи-то телефоны и адреса, так как сама книжка была давным-давно исписана от корки до корки. Она являлась, наверное, такой же старой, как и сам телефон — черный, квадратный, с тяжелой трубкой, еще довоенный, он так всем нравился, что никто не желал сменить его на новый.

Нике в детстве казалось, что из этой тяжелой трубки должен обязательно раздаться суровый мужской голос, который произнесет что-то вроде:

— Сейчас с вами будет разговаривать товарищ Сталин.

Это папа как-то пошутил, когда она, будучи в возрасте трех или четырех лет, придвигала табурет к столику, двумя руками поднимала трубку, прикладывала ее к уху и зачарованно слушала гудок. Кто такой «товарищ Сталин», тогда маленькая Ника не знала, но ей казалось, что на такой солидный телефонный аппарат он должен

Периодически мама или папа не могли отыскать нужный номер в книжке и повторяли, что давно пора завести новую и аккуратно все туда переписать, это не книжка вообще, а Бермудский треугольник какой-то, но нужный номер наконец находился и про новую книжку благополучно и надолго забывали, до следующего нервного поиска. Два раза в году Соня наводила порядок, который сводился к тому, что все записочки с адресами и телефонами подкладывались под соответствующие буквы на страничках, но уже через месяц-два непонятным образом они умудрялись переключиваться куда угодно, только подальше от нужной буквы.

Ника смотрела на пустое место на столике, где всегда — вот всегда! — лежала, а теперь отсутствовала эта замечательная книжка, и ничего не понимала.

И вдруг неожиданно и громко зазвонил телефон, больно ударив резким звуком в перепонки. Ника вздрогнула всем телом и резко поднялась, от чего у нее тут же закружилась голова. Надавив на виски пальцами, девушка устала на телефон.

«Сюрприз! — как любят говорить американцы, вяло, как через вату тягучую, образовавшуюся в мозгу, подумала она. — Вот тебе и сюрприз! Как-то их много на мою голову, на мою голову вообще всего слишком много в послед-

нее время! И не последнее тоже. Тогда как сказать: на первое? Или так неправильно говорить? О чем ты думаешь, идиотка?!»

Телефон все звонил и звонил, методично, настойчиво, выдерживая долгие паузы между гудками, явно не собираясь замолкнуть.

Ника дернулась всем телом, шумно выдохнула, скидывая оцепенение и испуг, и, разозлившись на себя за глупости напридуманные, резко сняла трубку.

— Слушаю вас, — четко выговаривая слова, ответила она.

— Здравствуйте! — поприветствовал ее спокойный, ровный мужской голос. — Вероника Андреевна?

— Да.

— С возвращением!

— Спасибо. С кем имею честь беседовать? — Голос незнакомца ей сразу не понравился, и она точно знала, что ничего хорошего от него не услышит.

— Меня зовут Михаил Иванович, но мое имя вам ничего не скажет, меня вы не знаете. Впрочем, главное, что я знаю вас.

— И вы от меня чего-то хотите, — констатировала Вероника Андреевна с нескрываемой неприязнью.

— Всегда приятно, когда твой оппонент умный человек! — обрадовался он.

— Пока я еще вам не оппонировала.

— Надеюсь, что и не будете. Видите ли, Вероника Андреевна, вам жизненно необходимо отдать то, что вам, по сути, и не принадлежит, но досталось в наследство, — мягко, но настойчиво пояснил господин.

— Это вы были у меня дома и все тут перерыли?

— Да, это мои люди, каюсь. И на Земляном валу они тоже поработали, уж извините великодушно, они были очень аккуратны и никакого урона вашей собственности не нанесли. У вас ведь ничего не пропало и беспорядка нет?

Вероника, слушая этот неприятный голос, говоривший наигранно доброжелательно, старалась понять, что происходит, и ничего не могла придумать.

На Земляном валу находилась квартира бабули. Дом стоял не на самом Садовом кольце, а внутри двора, за зданиями, старый сталинский добротный дом. Шум от Садового днем и ночью проникал в квартиру и заволаживал маленькую Нику, когда она оставалась там ночевать. Бабуля последние годы все больше раздражалась от бесконечного шума и суеты машин, людей, близости Курского вокзала и все удивлялась: надо же, всю жизнь жила и не замечала, а к старости это стало нервировать. А может, город сделался другим, машин больше, люди крикливее. При-

шлось ставить на окна стеклопакеты с тройными стеклами, чтобы ей было спокойней.

Сейчас ей вообще покойно и никакой шум ее уже не потревожит, потому что бабуля умерла.

— Вы можете не беспокоиться о смене замков, — отрывая девушку от мыслей о бабуле, произнес загадочный Михаил Иванович, — замки и двери хорошие, просто мои специалисты могут открыть любые двери.

— Не буду беспокоиться, — пообещала Ника.

Страха не было, ну не было, и все тут! Она как-то не могла бояться после того, что уже перенесла.

Нет, все-таки был, с самого начала, когда она обнаружила пропажу книжки, наглядно подтвердившую подозрения о проникновении чужих в дом. Даже и не страх, а растерянность от непонимания, что ли.

— Вернемся к нашей проблеме, — пробасил Михаил Иванович.

— А у нас с вами проблема? — уточнила она не самым доброжелательным тоном.

— Да, милая барышня, и еще какая! — порадовался чему-то странный господин.

— Судя по тому, что вы звоните, обыск не дал ожидаемых результатов?

— Совершенно верно! Из чего следует вывод, что о месте нахождения интересующих меня вещей знаете только вы.

— А какие вещи вас интересуют? — оживилась Ника.

— Ну не надо, Вероника Андреевна! — недовольно протянул он.

Ника почувствовала, словно увидела воочию, как он скривился от этого самого недовольства.

— Мы так мило беседовали, вы произвели на меня впечатление умного человека, и вдруг такие несерьезные игры, — попенял чуть ли не потечески товарищ.

— Простите, Михаил Иванович, что разочаровала вас, но я на самом деле не понимаю, о чем идет речь, — вернула его к отстраненно-неприятному тону Вероника.

— Речь идет о наследстве. Вы ведь единственная наследница вашей семьи.

— О каком наследстве? Квартира, машина, загородная вилла, счет в швейцарском банке? — Нику начал раздражать этот слащаво-приторный бас.

— Господь с вами! Никакие квартиры меня не интересуют, а машины, виллы и счета в банке у вас нет, даже дачи захудалой нет, любезная Вероника Андреевна!

«А вот здесь ты ошибаешься! — с удовольствием и детской наивной радостью из серии «обманули дурака на четыре пятака!» подумала она и добавила мысленно: — «Козел!»

— Уж извините, но пришлось наводить справки о всей вашей жизни, — усмехнулся господин.

— Нет, не извиню! — холодно ответила она. — Если вас не интересует мое движимое и недвижимое имущество, то чего вы все-таки хотите?

— Вам по наследству достались некие документы и слитки.

— Драгоценных металлов? — попыталась шутить Вероника.

Не получилось. Не шутилось как-то. Вот он точно не шутил!

— Именно слитки драгоценных металлов, — резко изменившимся тоном произнес он. — Повторюсь: по сути, эти вещи не принадлежат вашей семье, и их необходимо отдать.

— Вам, — констатировала Ника.

— Мне.

— А вам они принадлежат? — усмехнулась она.

— Милая барышня, давайте не будем препираться! — совсем уж холодным тоном отчитал он ее. — Я уже говорил, что вам небезопасно держать эти предметы у себя. Реализовать каким бы то ни было образом это вы не сможете, да вам никто и не даст этого сделать. Уверен, что вы толком-то и не знаете, что делать с этим добром. Давайте облегчим жизнь

друг другу. Честное слово! Вы милая девушка, и мне совсем не хочется вас обижать и применять жесткие меры. Все равно мы заберем слитки и документы, так давайте обойдемся без жертв!

— Без жертв — это замечательно! Но, к сожалению, ни о каких документах и слитках мне ничего не известно. Вот честное пионерское! Я не шучу и не пытаюсь вас обманывать, я просто не знаю! — разозлилась в один миг, резко, как кот Леопольд из известного мультика, Ника.

— Вполне возможно, я вам даже верю, — успокоил ее господин. — И допускаю, что бабушка ничего не рассказывала, чтобы оградить вас от неприятностей. Но так как это очень ценные вещи, то она наверняка оставила информацию для вас, указание, как и где найти их в случае ее смерти.

— Но вы же были у меня дома и у нее в квартире и наверняка просмотрели все документы и письма. И что, никаких намеков? — спросила Вероника без особого интереса.

И так все ясно — не нашли.

Она врала! Пачка бабулиных писем, в том числе адресованных ей лично, перевязанных красивой ленточкой, лежала у нее в сумке, а еще маленький ключик от банковской ячейки, спрятанный за подкладку, и документы на дом. Вот так!

Неожиданный радостно-печальный дом. И вот про этот-то дом «многоумудрому» Михаилу Ивановичу ни черта не известно!

Что, собственно, радует!

«А чего ты радуешься, блаженная? Ну не будешь же ты на самом деле искать неизвестные документы и мифические слитки! Вообще какой-то сюрреализм, плохое кино с претензией на детектив! Идиотизм полный!» — возмутилась она.

— Вы правы, мои люди ничего не обнаружили, — подтвердил мужик и распорядился сильно начальственным тоном: — Поэтому вам надо начинать поиски с чего-то другого. С ее друзей, подруг, каких-то родственников. Соображайте сами, это вопрос вашей личной безопасности, спокойствия и здоровья.

— Да не буду я ничего искать! Вам надо — вы и ищите! — возмутилась она не по-детски. — Какое мне дело до всего этого! Да, и верните мою записную книжку!

— Книжку мы вам вернем, а вот голос повышать не надо! — жестко, с угрозой предупредил он. — Значит, так, Вероника Андреевна, даю три дня на поиски! И если вам дороги жизнь и здоровье, то вы очень постараетесь что-нибудь найти. Мне совсем не хочется вас калечить, вы действительно милая барышня, правда, сильно похудели после больницы и почему-то ходите

голая по квартире, а я люблю более полненьких и скромных. — И он положил трубку.

Ника все прижимала трубку к уху, слушая навязчивые, раздражающие гудки отбоя, как будто ждала, что вот уж сейчас точно «будет говорить товарищ Сталин».

И вдруг очнулась и прокричала:

— Идиот! — и кинула ни в чем не повинную трубку на аппарат, создав невероятный грохот раритетного телефона, эхом пролетевший по всей квартире. — Да иди ты, куда в таких случаях идут! Я даже думать об этом не собираюсь! Я лучше в квартире приберу после «твоих людей»! И еще мне нужны продукты! Вот и займусь делом.

Но думать все-таки пришлось.

Мысли сами лезли и лезли ей в голову, как навязчивая детская игрушка-ходилка, которую заводишь маленьким железным ключиком, и она двигается вперед — дын-дын-дын, издавая однообразный жужжащий звук. Ты переставляешь ее на другое место, и она опять — дын-дын-дын. И двигается-двигается только вперед! Пока не закончится завод. У Ники были такие в детстве, зеленый лягушонок и маленький солдатик. Лягушат было полно у всех ребят, а вот солдатик только у нее одной. Его привезли в подарок какие-то друзья родителей, которые приехали из непонятной ей тогда и загадочной «заграницы».

Судя по всему, этот Михаил Иванович был тем самым ключиком, который завел ее мысли, и теперь они лезли в голову и никак не хотели оттуда уходить.

Ника прокручивала их так и эдак, не переставая, пока ходила в магазин за продуктами, и ощущая чей-то взгляд, прожигавший дырку в позвоночнике, между лопатками.

«Паранойя какая-то!» — думала она, уговаривая себя, что это бред полный и чья-то неумная шутка.

Но продолжала прокручивать эти растреклятые мысли, выдраивая всю квартиру — сантиметр за сантиметром, добавив в воду едкого моющего средства с хлором, чтобы уничтожить даже тень воспоминания о присутствии чужих людей.

От усталости, напряжения и этих самых навязчивых мыслей у девушки уже мелко тряслись мышцы, кружилась и все больше и больше болела голова.

Ника перемыла все: полы, мебель, посуду, холодильник, который Милка отключила по ее просьбе, когда приходила за вещами. Она перестирала все покрывала, шторы, даже коврик из прихожей, стиральная машина гудела, не переставая, с трудом переноса такие нагрузки, и Веронике казалось, что аппарат обиженно вздыхает от такой нагрузки.

А когда девушка остановилась и осмотрелась, то оказалось, что мыть и чистить больше нечего, а за окном опустилась на город глубокая ночь. Ника сняла с себя одежду, в которой проводила уборку, джинсы и футболку, и затолкала их в машинку.

— Ну извини, последний раз, и все! — попросила она прощения у стиралки и залезла в ванну.

Просто села в пустую холодную ванну и пустила воду, открыв оба крана до упора. Ни на что другое у нее не было больше сил.

Силы остались только на те самые злополучные размышления, которые все так же навязчивыми механическими игрушками продолжали шебуршить в голове.

«Вот черт!»

Она поймала себя на том, что стала ругаться.

«Наверное, у меня меняется характер», — уныло подумала Вероника.

Она никогда не ругалась, в этом просто не было необходимости, не ругалась не то что матом, а вообще. Не чертыхалась, не говорила и даже никогда мысленно не произносила слова из разряда «козел» и «да пошел ты!».

Что с ней происходит?

Она всегда была спокойной, интеллигентной, рассудительной девушкой. Не в том смысле интеллигентности: «Фи, какая гадость!» и оттопы-

ренный мизинчик на ручке чашечки — а отсутствие агрессии и глупости внутри себя. Никто и никогда в их семье не запрещал Веронике самовыражаться как угодно — хоть панком станешь, хоть рокером, только мыслить здраво не переставай, а так — пожалуйста! Мыслить здраво она не переставала, а даже очень в этом преуспела, не став ни панком, ни рокером, даже влюбленной дурочкой никогда не была, и на танцы не бегала, и не сохла ни по одному мальчику или еще того хуже — по артисту какому-нибудь.

Она избежала всех ужасов взбрыкивания подросткового возраста и всего проистекающего из этого. Ника с радостью неслась домой, так ей было там хорошо, и уютно, и счастливо с мамой, папой и Сонечкой! Всегда весело, шумно, радостно, и главное — интересно! Родители вечно что-то придумывали эдакое, необыкновенное. Розыгрыши, какие-то игры с призами, просто поездки «черт-те куда, к нему самому на кулички!», ворчала бабуля, когда они вчетвером на их машине заезжали за ней на Садовое. Ворчать — ворчала, но всегда соглашалась ехать. Они смеялись всю дорогу, дурачились, пели, шутили, рассказывали свежие анекдоты и, останавливаясь в понравившемся месте, устраивали пикники.

32 Ника старалась как можно больше времени проводить дома с семьей, поэтому и не ходила

ни в какие кружки или, не дай бог, в музыкальную школу. Вязать, вышивать и замечательно готовить ее учила Сонечка, а играть в карты, строить глазки и «уметь дать отпор нахалу» — бабуля. Так что обошлось без кружков.

Ника словно где-то внутри себя чувствовала, что это счастье очень коротко и надо успеть прожить, не растрчивая время на ненужные, неинтересные увлечения, присущие сверстникам, на глупых никчемных людей и пустые занятия.

Когда ей было шестнадцать лет, родители разбились на машине.

Насмерть.

Она так и спросила у Сони.

Ника пришла домой после школы и, едва переступив порог, вдруг почувствовала сразу, поняла всем нутром, что случилось какое-то горе. В прихожую вышла Соня и, рыдая, сообщила страшное.

— Как разбились? — окаменев от ужаса, переспросила Ника. — Насмерть?

И у них троих началась новая жизнь. Не новая, а другая, совсем другая.

Вероника смотрела, как убегает вода через верхний сток в ванной. Надо было дотянуться до кранов и повернуть их, но сил не было, она и попыток не делала.

— Просто у меня началась другая жизнь, поэтому я стала ругаться, — сказала девушка вслух.

Если бы она могла, она бы зарыдала. И рыдала бы долго, горько, не вытирая слез и не пытаясь их остановить.

Так жалко ей стало себя!

Так непереносимо, щемяще жалко! До утробного воя бессильного!

Вот никогда не было, а тут вдруг стало.

Когда хоронили родителей, она не плакала. Обе бабушки, их друзья и подруги, все взрослые, как сговорившись, по очереди подходили к ней, обнимали, успокаивающе поглаживая, и тихими голосами уговаривали:

— Ты поплачь, деточка, тебе легче станет!

Но она знала, что легче не станет уже никогда, и переживала свое горе внутри, без слез. Она дала себе слово, что не будет плакать от горя, вот никогда в жизни!

«Плакать я буду только от счастья, а это горе я выплакать не смогу никогда, у меня слез не хватит!» — решила шестнадцатилетняя Ника.

Последние месяцы бабулиной жизни сдерживать данное себе тогда слово стало как-то очень трудно. Ника видела, чувствовала и понимала надвигающуюся неотвратимость ухода последнего родного человека, и ей приходилось огромным усилием воли сдерживать рвущиеся слезы и раздирающую внутри безысходность.

А потом она осталась одна, совсем одна!

И это чувство навалилось на нее в день похорон таким жестоким откровением, как будто вместе с бабулей хоронили тогда всю ее жизнь, опуская в могильную яму.

Может, так оно и было.

«Нет, не одна! — возразила она себе, улыбувшись. — Не одна! У меня вдруг обнаружился дедушка, родной! Никогда не было ни одного дедушки, и вдруг обнаружился! И собака по кличке Апельсин, которая, оказывается, меня знает всю свою собачью жизнь и всегда меня ждала! Вот! И это счастье! У меня такой замечательный, чудесный дедушка!»

У дедушки на груди, забыв те далекие обещания, она и выплакала все свои горести.

— Нет, о дедушке я сегодня думать не буду! — решительно объявила она. — Я буду думать о нем в хороший день, а не тогда, когда мне угрожают по телефону всякие идиоты. А еще лучше, я к нему поеду!

И ей вдруг стало так хорошо и спокойно от воспоминаний о дедушке, о доме, о собаке по кличке Апельсин.

— Никакая он не собака, а пес, или, вернее, кобель, но очень большой, огромный, не пес, а будто лошадь какая-то!

Подбадривая себя разговором и прогоняя отчаяние, прорвавшееся неожиданно через

все запреты, Ника попыталась шевелиться в воде.

Получалось плохо.

— Надо же отсюда как-то выбираться!

Чувствуя себя распухшей от усталости, воды и навязчивых мыслей и воспоминаний, кое-как, постанывая и кряхтя, Вероника вытащила себя из ванной, выключила наконец воду и выдернула пробку. С трудом вытерла волосы и, заворачиваясь в полотенце — халат-то она тоже постирала, вдруг замерла от неожиданно выстрелившей в голове мысли.

— Стоп!! — обалдела Ника. — Он сказал: «Похудели и ходите по кухне голой», значит, что получается? Он за мной наблюдает! Он видит мою квартиру!!

Она присела на бортик ванной и неосознанным движением потеряла лоб.

«А вот это провал!» — как говорил Штирлиц!»

До этого момента она как-то умудрялась себя уговаривать, забалтывать, что угрозы несерьезны, что все это глупость какая-то несусветная, может, кто-то так по-идиотски шутит. Но сейчас вся пугающая странность ситуации увиделась ей четко и ясно.

«Это не банальные воры или аферисты, это действительно серьезные люди и уж точно профессионалы — вон как квартиру обыскали! — ахнула она про себя от настигшего, наконец, пони-

мания. — Так! Спокойно! Ты же умная девочка, ты что-нибудь обязательно придумаешь! Надо все обдумать, в мелочах. Весь телефонный разговор. Да! А кстати, почему они не требовали этого добра дурацкого у бабушки, пока она жива была? Значит, не знали, так получается? Чего проще — припугнуть старую женщину. Да, сейчас! Бабулю черта с два чем припугнуть можно было!»

Ника усмехнулась, вспомнив свою боевую бабулю и ее характер, но улыбка тут же сбежала с губ.

«Мной! — поняла она. — Ее вполне логично можно было припугнуть мной, вернее, обещанием всяких ужасов, которые со мной сотворят. Она бы все отдала, сразу, без разговоров, не задумываясь. Значит, все-таки не знали, — рассуждала девушка и сообразила: — А узнали они не так давно, в течение последних пятидесяти дней. То, что случилось со мной, это не они провернули, точно, им просто очень повезло, что я в больнице валялась и они тем временем могли не торопясь, тщательно провести обыск».

Ника прошла в свою комнату, собрав последние, какие возможно, силы, постелила чистое белье и рухнула на кровать, кое-как натянув на себя одеяло.

«Значит, все началось приблизительно тогда, когда я попала в больницу».

И она мгновенно заснула.

В тот день или в сороковые сутки после смерти бабули.

Ее похоронили рядом с Сонечкой. Они дружили всю жизнь, с детства — и их дети — бабулин Андрюша и Сонечкина Надечка полюбили друг друга и поженились, и могилы их детей находились рядом с ними, через дорожку.

«Вся моя жизнь теперь — это сплошное кладбище», — без боли и обиды на ту самую жизнь думала Ника.

Она принесла целую охапку цветов, для всех. Она всегда приносила на кладбище много цветов. Сердобольные старушки, сидящие у кладбищенских ворот и торговавшие всякой мелочью, от цветочной рассады до пластмассовых роз, вздыхали, глядя ей в след: «Бедное дитятко, всех похоронила». Вероника старалась пройти мимо них как можно быстрее, ей совсем не требовалась чужая жалость.

Она расставила цветы на всех четырех могилках, поговорила с ними, рассказала о своих делах житейских и самую важную новость — о дедушке.

— Бабуля, — попеняла она, — что же ты раньше не рассказала о нем? Он такой замечательный! Что же ты молчала-то?

И тут же немного стушеввалась — не ее это дело, это бабулина тайна, ее непростая жизнь и только их с дедушкой личные отношения.

— Ну, извини! — покаялась она. — Но за такой подарок огромное спасибо! Ты всегда была сплошной сюрприз и даже после смерти устроила внучке праздник!

Ника неторопливо возвращалась с кладбища и думала о бабуле, о дедушке, о том, что вот прямо сейчас поедет к нему и они устроят поминки вдвоем, и он примется рассказывать ей о бабуле то, что она никогда и не знала. А Апельсин будет лежать возле нее на полу и греть своим горячим боком ноги. И станут потрескивать дрова в камине, и не будет в разговорах никакой печали и горести, а только тихая грусть и теплая радость от воспоминаний.

Ей звонили накануне бабулины подруги, говорили, что устраивают поминки у Марии Гавриловны дома, на кладбище не пойдут, нет сил и здоровья по такой-то погоде, а поминки устроят, так что они ее ждут. Ника, извинившись, отказалась и, чувствуя вину за то, что обманывает милых пожилых женщин, объяснила, что хочет побыть одна.

— Конечно, деточка, мы понимаем. Только негоже молодой девушке так тосковать. Кирочка была жизнерадостным, позитивным человеком, ей бы это не понравилось.

Кирочка — это ее бабуля. Ее звали Кира Игоревна. Она всегда посмеивалась, что ее имя в сочетании с отчеством звучит как детская дразнилка, «катается на языке».

Ника тряхнула головой, отбрасывая воспоминания, вызывавшие тянущую боль где-то у горла, и обнаружила, что, задумавшись, довольно далеко прошла по проспекту, так, что даже устали ноги. Если она собирается за город, надо поспешить на электричку, а то к бабушке доберется лишь к ночи.

Вероника остановилась у светофора, чтобы перейти на другую сторону проспекта. Переход этот был очень неудобный — длинный, и ждать зеленого света пришлось долго. Имелся, конечно, и подземный переход, но до него далеко еще топать, и потом, ей совершенно не хотелось спускаться в него и нюхать «чудесный» стойкий запах, неизменно присутствовавший во всех переходах.

Ника поеживалась — замерзла, а ноги совсем окоченели.

Ну еще бы! Конец февраля. Самое нелюбимое ею время года.

В Москве ужасная ранняя весна — слякотная, давящая какая-то, снег везде черный, навален грязными кучами вдоль дорог и тротуаров. Огромные тоскливые черно-снежные кучи, таящие в себе залежи отходов, накопившихся за зиму и открывающихся во всей своей «красе» в весеннее таяние. Чавкающая жижа под ногами и мусор, мусор.

плохое замечаю. Нет бы что-то хорошее увидеть, вон, кстати, какая замечательная машинка! Просто чудо!» — подумала она.

Автомобиль, который заметила Вероника, остановился вместе с остальными перед зеброй перехода на третьей, с противоположной стороны, полосе. Это был французский «Жук» желтого цвета с раскрашенным понизу кузовом. Рисунок был удивительный: яркий, радостный — зеленая трава, бабочки, жучки.

Ника засмотрелась, непроизвольно заулыбавшись. Светофор мигнул, переключаясь и высвечивая зеленого человечка.

Народу, ожидавшего перехода, собралось много, и они, торопливо двигаясь, почти бегом, принялись переходить улицу. А вот Ника пошла помедленнее, продолжая рассматривать веселенький рисунок на кузове. Она уже почти дошла до середины перехода и до веселой машинки, ей оставалось всего несколько шагов, когда в уши вдруг ударил надвигающийся визг тормозов и чьи-то громкие крики.

Переходившие вместе с ней дорогу люди неожиданно и как-то очень шустро шарахнулись в разные стороны, и Вероника вдруг осталась одна на небольшом пространстве, не сразу и поняв, в чем дело. Ника повернула голову в сторону усиливающегося шума и увидела несущуюся на нее машину.

Она не особенно разбиралась в марках машин, такую, наверное, называют «спортивного типа», что-то очень дорогое из жизни сильно богатых — низкая, широкая, ярко-красного цвета, похожая на присевшего перед прыжком хищника.

Перед прыжком на нее, Нику!

Девушка слишком поздно заметила надвигающуюся опасность! Все видели — и водители, и пешеходы, а она нет — она в это время рассматривала веселого раскрашенного французского «Жука»!

Неотвратимость несчастья странным образом словно замедлила ход времени, Веронике показалось, что воздух вокруг нее стал тягучим, как мед, сделав почти невозможным любое движение.

Она очень четко видела лицо водителя, сидевшего за рулем красного хищника, словно его высветило ярким лучом прожектора. Совсем молодой парень, почти мальчишка, от страха и неизбежности столкновения, которое он уже осознал, лицо его стало совсем белым, даже губы и нос сливались в сплошную страшную белую маску, на которой выделялись расширившиеся от ужаса глаза.

Думать и оценивать ситуацию оказалось так же невозможно, как и двигаться.

приказ Ника. — Быстрее, быстрее! Всего один шаг! Ну! Давай!!»

Но она не успела!! Красный безжалостный хищник оказался проворнее.

Сильный удар в левую ногу подбросил ее на капот напавшего зверя! Но ему этого показалось мало, он как-то встряхнулся всем телом, скидывая с себя уже побежденную добычу, и Ника полетела по какой-то невероятной дуге — вверх и куда-то в сторону.

«Может, так оно и лучше?» — промелькнула мгновенная мысль.

И в следующий момент обрушилась боль!!

Ужасная!! Невероятная, во всем теле сразу, и голова ударилась об асфальт с громким стуком.

«Какой неприятный звук», — подумала Вероника перед тем, как на нее опустилась темнота.

Но темнота почти сразу сменилась ярким, каким-то нереальным светом, как от множества люминесцентных ламп, в освещении которого Ника увидела проспект, пешеходный переход, себя, лежащую в стороне от него на асфальте, людей, склонившихся над ней, красную машину, из которой кое-как выбрался водитель и сел прямо на дорогу, откинувшись спиной на колесо.

Люди шумели, возбужденно обсуждали происшествие, какой-то мужчина звонил по сотово-

му, вызывая «Скорую» и полицию. Женщина лет пятидесяти отталкивала людей, склонившихся над Никой, и кричала:

— Я врач, не трогайте ее, у нее может быть травма позвоночника! Расступитесь, ей нужен воздух!

Врач встала перед Вероникой на колени, прямо на грязный асфальт, взяла за руку и, проверяя пульс, подняла ей веко. А Ника пожалела красивое светлое пальто этой женщины, полы которого елозили по грязному асфальту. «Зачем, не надо, вы испачкаетесь!» — попыталась сказать она женщине-врачу, но звук не получался, а собственный голос звучал только у нее в мозгу. Ника спустилась поближе, ей почему-то хотелось рассмотреть себя.

«Я же в полном сознании! — поняла вдруг она. — Я помню все и думаю, как я, и чувствую! Почему же я сразу в двух местах? И почему совершенно не ощущаю своего тела? Я что, умерла?!»

Она услышала нарастающий рев сирены, подъехала и остановилась в нескольких метрах от места аварии машина «Скорой помощи», из которой выбежали люди в голубой униформе. Женщина поднялась с колен и стала что-то им объяснять. Теперь перед Никой на колени опустился мужчина, врач «Скорой помощи», и стал ее осматривать, расстегнул пальто.

А Вероника не захотела смотреть на свои травмы и что с ней там делают, поэтому и поднялась повыше, увидела полицейскую машину, двух полицейских, подошедших к водителю красного монстра, так и сидевшему, опираясь спиной на колесо.

«Ну что ж, если так, пусть так и будет! — смиренно подумалось ей. — Мне не за кого здесь держаться, никого нет, и никто не позовет меня назад. Только дедушку ужасно жалко, но жил же он как-то без меня раньше. Уходить так уходить».

И вдруг ее неожиданно и стремительно куда-то понесло.

Улицы, дома, проспекты пролетали мимо с огромной скоростью. День сменился вечером, а за ним сразу наступила ночь. Скорость, с которой девушку несло куда-то, все увеличивалась и увеличивалась, Ника уже не различала пролетающих внизу домов, улиц, а свет фар едущих машин слился в две яркие линии, красную и желтую.

И вдруг, так же внезапно, как и начался, полет оборвался — в один момент!

И Вероника почувствовала, что стоит на месте. Она осмотрелась вокруг и поняла, что оказалась в чьей-то незнакомой квартире, в кухне. Глубокая ночь, между тремя и четырьмя часами, самое тяжелое в сутках время — время смер-

тей, — почему-то она это знала и про точное время, и про его смертельную тяжесть. В кухне совсем темно, собственно, темно было везде.

А возле окна стоял высокий худощавый мужчина, одетый только в брюки, босиком и с голым торсом, и думал о чем-то своем, глядя на улицу. В одной руке он держал большую кружку с остывшим уже чаем, вторая рука в кармане брюк.

Он повернулся, присел боком на подоконник, поставил рядом кружку и, взяв пачку сигарет и зажигалку, лежавшую там же на подоконнике возле пепельницы, закурил.

Ника удивилась — было очень темно, но почему-то она отчетливо видела черты его лица, фигуру до мелочей, даже легкую игру мышц, когда он двигался.

Ему, наверное, около сорока лет, может, меньше, может, больше. Густые русые волосы, не короткие, но и не длинные, высокий лоб, слегка изогнутые брови, прямой нос, красиво очерченные губы, твердый подбородок, морщины между бровями и в уголках губ, лицо волевого, сильного мужчины, вполне обыкновенное, вот только глаза! Серые, в обрамлении густых черных ресниц, внимательные и... и пугающие до жути сокрытыми в глубине знаниями, виденным и перенесенным в жизни. От него исходила странная, глубокая, какая-то усталая грусть.

Ника почувствовала, что ей отчего-то просто необходимо находиться как можно ближе к нему. Она придвинулась и вдруг услышала его мысли, даже не сами мысли, она их не читала, а как бы прочувствовала, проживала вместе с ним его ощущения, течение этих мыслей. И ей тут же захотелось отстраниться, отшатнуться от той боли, которую он ощущал, но она не смогла, точно зная, что именно поэтому здесь и очутилась.

Этот совсем незнакомый ей мужчина чувствовал себя бесконечно одиноким, уставшим, как будто прожил не одну жизнь. Наверное, так оно и было, потому что вместить в себя столько, сколько видел и пережил этот человек, в одну жизнь почти невозможно.

Он устал от переживаний, так и не научившись не пропускать через себя боль и страх других людей, часто зависящих от его способностей и ответственности. Он устал от пустых отношений с женщинами, не повстречав в своей жизни ни одной, которая оказалась бы близкой и хоть чуточку родной, устал от пустого бесчувственного секса, от потери друзей, от самого себя и своего смирения перед честными мыслями.

И конечно, отдавал себе отчет, что будь у него семья, хоть какая, пусть и не самая счастливая, то не стоял бы он сейчас ночью у окна после бурного секса, больше похожего на спорт,

чем занятие любовью с совершенно ненужной и, по сути, чужой ему женщиной, мучаясь от внутренней пустоты, неизменно наступавшей после таких вот свиданий. Но он давно уже смирился с тем, что семья — это не для него, не получается, кому-то везет, а вот ему не дано. И так бывает.

Сильный человек, он слишком хорошо все знал, и понимал про себя, и давно научился справляться с наваливающимся иногда вот такими темными ночами, как сегодня, чувством одиночества, усталости и непонятной, темной, глухой тоски.

Вдруг у него защемило-защемило сердце, сильно, так, словно кто-то сжал его тисками, и он каким-то седьмым, десятым чутьем, как откровение осознал, что именно сейчас, в данную минуту, обрывается где-то единственная и самая главная нить в его жизни, связывавшая его с каким-то человеком. Что в данный момент уходит, исчезает то неизвестное, но невероятно важное, может быть, самое главное, что, оказывается, и держало его на этой земле, спасало в самых безвыходных ситуациях.

Ника закричала от неожиданности, чувствуя, как будто ее ошпарило его болью, но ее крик не услышали ни он, ни она сама. Стараясь помочь незнакомцу и себе, она придвинулась со-

сем близко к нему, заглянув в глубину этих серых глаз... И все поняла!

Ощущение странной, непонятной потери и безысходного отчаяния почти накрыло его с головой, и тогда он, прикрыв глаза и запрокинув голову, попросил шепотом:

— Не надо, Господи!

И в то же мгновение неизвестная сила понесла Нику назад так быстро, что она почувствовала, что вот-вот задохнется. Она все втягивала, втягивала в себя воздух, но вдох так и не получался, она закричала и наконец, хрипя, вдохнула-таки в самое последнее мгновение, за которым уже неизбежно начиналось небытие... и ощутила жуткую боль во всем теле.

Ника закашлялась и попыталась сесть, но чьи-то сильные руки ее удержали на месте. Издавая надсадные хрипы, она вдыхала и выдыхала, не понимая, где находится и что с ней происходит.

— Ну, слава богу! С возвращением! — радостно поприветствовал кто-то рядом.

Над ней склонился тот самый врач из «Скорой», которого она видела возле себя там, на переходе. И почему-то он оказался весь мокрый — мокрая прядь волос падала ему на лоб и рубашка на груди вся промокла, потемнев от пота.

— Почему вы мокрый?

Говорить было трудно, очень трудно. Звук получался еле слышным, хриплым, тяжелым.

— Так вас, красавица, с того света вытаскивал! Вспотел, знаете ли! — рассмеялся доктор.

Ника посмотрела вокруг и сообразила, что находится в машине «Скорой помощи», которая в данный момент куда-то едет.

Она улыбнулась доктору и попыталась что-то сказать, но звуки не получились.

— Что, милая? — Он стал озабоченным, видимо, решив, что она хочет пожаловаться на боль.

— Все будет хорошо! — с третьей попытки произнесла-таки Ника и улыбнулась.

— Обязательно! — разулыбался он в ответ и поделился удивлением: — В моей практике впервые только что вернувшийся с того света человек улыбается и меня же подбадривает! Фантастика! Вы, девушка, уникам — такой полет, сильнейший удар, клиническая смерть, а она улыбается! У вас ни одного перелома, сильное сотрясение, возможны и, скорее всего, внутренние повреждения, остановка сердца от шока и сильного удара. Вы в рубашке родились!

Ника улыбалась, почти не слушая его, она точно знала, что никаких внутренних повреждений у нее нет и быть не может. Знала тем самым знанием, которым была наделена на короткое время, еще несколько мгновений назад летая над Москвой.

Она пролежала в больнице пятьдесят дней. Пятьдесят!

Первые дни Ника почти не помнила, ей все время хотелось спать, но спать ей не давали и будили через короткие промежутки времени.

Потом ей объяснили, что так положено делать, когда у человека сильное сотрясение мозга. Ей постоянно что-то кололи, ставили капельницы, возили на каталке на всякие исследования: рентген, УЗИ, какие-то процедуры, доставляя этими транспортировками ужасную боль в избитом теле.

А потому что все ее многострадальное тельце оказалось одним сплошным синяком, смотреть на это без содрогания душевного было невозможно, она и не смотрела, потому что почти постоянно пребывала в странном сонно-бессознательном состоянии, а когда пришла немного в себя и смогла-таки рассмотреть, то рассмеялась — она вся была желто-зеленого цвета, какой приобретает синяк, когда уже начинает сходить.

Один раз ее даже возили — через длинный коридор на лифте на другой этаж и еще один длинный коридор — на томографию головы. Как в американском сериале «Скорая помощь», где постоянно кому-то делали ту самую томографию, теперь переставшую быть для Вероники загадочной.

За тридцать дней ее организм исследовали вдоль и поперек и еще раз вдоль, как какую-то археологическую раскопку, имеющую важное историческое и мировое значение. У нее скопилось целая охапка рентгеновских снимков, анализов, еще всяких снимков, еще анализов, заключений врачей к снимкам и анализам.

Через тридцать дней врачи махнули на пациентку Былинскую рукой с большим сожалением, как ей показалось, не обнаружив у нее никаких патологий или серьезных травм и заболеваний. Но из больницы так и не выписали, надеясь, наверное, что-то все-таки найти, и продержали еще двадцать дней.

Голова болела все время. Тяжело, тягуче, то тупой, ноющей болью, то какими-то взрывами. На тридцать пятые сутки боль стала проходить, постепенно затихая, и, наконец, затихла.

Находясь в больнице, Ника переживала: как там дедушка?

Просто ужасно переживала!

Он ее ждал в этот день, и сообщить ему о том, что с ней произошло, некому, и телефона у него нет, а чтобы позвонить — надо идти на станцию. Он, конечно, ходил, звонил ей, она точно знала, и сейчас, наверное, ужасно беспокоится и места себе не находит.

Милке о дедушке Вероника не стала рассказывать, ни к чему, раз это была всю жизнь его с